

DOI 10.24412/2076-8176-2025-1-47-52

Благожелательность и бесстрашие Дон Кихота

*B.A. Голиченков¹
(Интервью взял В.В. Птушенко²)*

¹ Биологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

² Научно-исследовательский институт физико-химической биологии имени А.Н. Белозерского Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Институт биохимической физики имени Н.М. Эмануэля РАН, Москва, Россия;
ptush@belozersky.msu.ru

Владимир Александрович Голиченков — эмбриолог, выпускник биологического факультета МГУ, д. б. н., заведующий кафедрой эмбриологии биологического факультета в 1983–2014 гг. В беседе, состоявшейся 29 ноября 2023 г., В.А. Голиченков описывает свои впечатления от первой встречи с С.Э. Шнолем, вспоминает работу вместе с ним по организации Школьной биологической олимпиады на биофаке МГУ и просветительскую деятельность С.Э. Шноля для школьников, а также его связь с Беломорской биологической станцией (ББС) МГУ и горячую поддержку директора ББС МГУ Н.А. Перцова.

Ключевые слова: Московское общество испытателей природы, Школьная биологическая олимпиада, Беломорская биологическая станция МГУ, Н.А. Перцов.

B.A. Голиченков — Знакомство с Симоном Эльевичем у меня очень давнее и сохранившееся до последних времен. Но наши взаимодействия были не постоянными, а, скорее, спорадическими, от случая к случаю. И началось оно — это был, наверное, год 1957–1958, т. е. мой третий-четвертый курс. Это был семинар Московского общества испытателей природы (МОИП), оно тогда работало очень исправно и было авторитетным, печатало все выступления, которые там были заявлены, в виде тезисов или коротеньких статей в Бюллетене МОИП, которые признавались даже при защите диссертации. Это было в старом здании биофака на Моховой улице, наверное, не в Большой зоологической аудитории, а в одной из аудиторий общества — там они в коридоре, такие не очень большие аудитории, в которых человек

до 30–40 могло уместиться. Так вот тогда я обратил внимание, или даже точнее сказать, Симон Эльевич захватил мое внимание своей манерой вести беседу. Это был диспут, и Симон Эльевич своего оппонента называл доктор. На меня это произвело большое впечатление.

B.B. Птушенко. — Это звучало как подчеркнуто уважительное обращение?

B.A. — Да, очень уважительное, необычно звучащее даже для того времени. При том, что его оппонент вовсе не был доктором наук, т. е. это было уважение не по «табели о рангах». И все это произносилось очень эмоционально, слегка граffiтируя, и производило совершенно необычное впечатление, словно ты оказался в другом времени.

B.B. — А кто был его оппонент, не помните?

B.A. — Это был Александр Александрович Зотин, выпускник биологического факультета, кафедры динамики развития. Ее заведующим был Завадовский, и эта кафедра просуществовала до сессии ВАСХНИЛ, после которой ее закрыли. И вот уже через много-много лет ко мне приходил Александр Александрович Зотин и говорил: «Знаете, я хочу пойти к ректору, буду его уговаривать, чтобы вернули кафедру динамики развития, и хочу, чтобы Вы возглавили эту кафедру». К тому времени Зотин уже был заведующим лабораторией, в которой работал наш выпускник, будущий директор Института биологии развития Николай Дмитриевич Озернюк. Но это было уже лет через 15–20 после того, как Шноль, которого я впервые увидел, обращался к нему «доктор Зотин».

B.B. — После этой первой встречи у Вас продолжался контакт со Шнолем?

B.A. — Постоянных контактов у нас не было, но были рабочие контакты по всяким разным мелочам, которые даже трудно упомянуть. Так что, если бы я ему позвонил в любое время, мне бы не пришлось объясняться, кто я, — конечно, он помнил меня.

Из последующих спорадических контактов один был связан с тем, что, как я понимаю, у Симона Эльевича был равный интерес к науке и к просвещению. Но если про его научную деятельность все известно, то о педагогической знают гораздо меньше. Она заключалась, как мне кажется, в попытке улучшить образование биологическое, а заодно и математическое в школах, в советских московских школах. Вот была такая 57-я школа, потом еще какие-то появились. Это где метро «Парк культуры», она раньше там была; если обойти метро и войти во двор, то она была как бы почти пристроена к метро, вроде буквы С. Там была директор, я до сих пор помню ее фамилию, Лапушкина¹. Одна наша сотрудница, Галина Анатольевна Соколова, преподавала в ней. И Симон Эльевич как-то курировал

¹ Здесь содержится некоторая неточность. Действительно, директором школы № 57 была Н.Е. Лапушкина (1927–2022). Однако, как тогда, так и сейчас 57-я школа располагается около метро «Кропотkinsкая», рядом с Музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. В указанном месте около метро «Парк культуры», примыкая к его южному павильону (по адресу: Зубовский бульвар, д. 5, к. 1), располагалось здание другой знаменитой в то время школы, № 23 (сейчас № 1253), спецшколы с углубленным изучением английского языка (<https://sch1253c.mskobr.ru/o-nas/obshaya-informatsiya>). Тем не менее мы сохраняем здесь эту маленькую топографическую неточность, поскольку она может послужить «зацепкой» для дальнейших поисков сведений о просветительской деятельности С.Э. Шноля в средней школе. (Здесь и далее — прим. В. Птушенко.)

этую школу — во всяком случае, он всегда был в курсе всего того, что там делается. И мне тогда, по роду моей профессиональной деятельности, приходилось общаться с директором школы — отсюда, из МГУ. И Симон Эльевич был одним из тех людей, кто активно принимал участие в том, чтобы эти школы работали как можно лучше, чтобы они набирали как можно лучший состав заинтересованных людей, и чтобы сам университет в этом участвовал. Симон Эльевич был один из тех, не единственный, было много таких вот энтузиастов этого дела, кто считал, что школьное дело надо сближать с университетским и привлекать самых горящих наукой людей туда — так, чтобы наука стала привлекательной. Ну и, по-моему, это дело удалось. Я помню, что в этом очень помогали Симону Эльевичу математики, помогал даже сам Рэм Викторович Хохлов, который тогда был ректором². Любое обращение к нему для каких-то решений, каких-то сложных дел, требующих высокого вмешательства, не оставалось без внимания — он никогда не отказывал ни в каких просьбах поддержки работы со школой.

В продолжение этой педагогической линии — мне пришлось год или два поработать с Симоном Эльевичем на Школьной биологической олимпиаде, которую тогда проводил биофак. У ее истоков стоял К.Н. Благосклонов, ему (как основателю Дружины охраны природы, вместе с В.Н. Тихомировым) сейчас висит мемориальная доска на кафедре зоологии позвоночных — он был энтузиастом, и он умел это делать. Он зоологов привлекал, а зоологи, по моим наблюдениям, очень рано понимают, что они зоологи. Это почти какая-то генетическая такая предопределенность. Ну, и ботаники такие же энтузиасты были. И на факультете был сколочен такой актив — люди, кто эту работу и сам вел, и посредничал в ней. В основном костяк организаторов олимпиады были Никита Чаянов, тогда студент кафедры высшей нервной деятельности, Нина Уланова, ботаник. Олимпиада шла такими сужающимися кругами, в последнем кругу должна была остаться примерно десятка призеров. И вот мне довелось с Симоном Эльевичем такую десятку призеров экзаменовать. Ну, скорее, беседовать — это не экзамен был, это был разговор. И вот это я тоже вижу как продолжение того же самого начала — что школа должна быть ближе к университету. Ну, так же как, наверное, в прежние времена к университету были близки гимназии, примерно так.

B.B. — Что, на Ваш взгляд, изменилось с приходом Симона Эльевича в жюри олимпиады?

² К сожалению, об этой деятельности С.Э. Шноля в московских школах, и в частности о каком-либо его кураторстве 57-й школы, не удалось найти больше никаких сведений. Известно, что со второй половины 1970-х гг. он занимался привлечением ученых в работу школ г. Пущино (об этом вспоминает О.Ф. Жиронкина; ее воспоминания планируются к публикации в сборнике воспоминаний о С.Э. Шноле). Учитывая, что организация лекций ученых в рамках «сетки» школьного образования требовала согласований на уровне министерства, вполне вероятно, что С.Э. мог здесь прибегать к поддержке ректора МГУ. Со школьниками знаменитой 57-й школы С.Э. регулярно встречался (читал им там лекции или, как он сам это называл, «беломорские сказки») на Беломорской биостанции МГУ, куда они регулярно ездили в составе стройотрядов. Возможно, что представление о кураторстве С.Э. над биоклассом 57-й школы вызвано смешением этих разных сторон его деятельности.

В.А. — Мне кажется, до него она была более камеральная, более замкнутая на биофаке, на тех, кто прошел через КЮБЗ и ВООП³. И, мне кажется, именно при Симоне Эльевиче победители олимпиады стали получать какие-то преференции. Возможно, что это у меня искажение временной перспективы, но мне кажется, что так.

В.В. — А знаете ли вы, как получилось, что Симон Эльевич стал председателем жюри олимпиады? Благосклонов был доцентом биофака, а С.Э. все-таки человек со стороны.

В.А. — Я могу только предполагать, как это было. Но, несомненно, Симона Эльевича хорошо знали на факультете. Начиная с того, что еще во время учебы он был ярким студентом, и многие из тех, кто потом стал руководителями факультета, знали его как талантливого студента. У него было много знакомых на биофаке. Но кому могло прийти в голову позвать его в жюри олимпиады — не знаю. Может быть, Никита Чаянов это знает лучше.

Я думаю, что его знал весь университет. Некоторые на него сердились, потому что он был настойчив. Это я почувствовал, когда мы как-то по своим делам ходили в астрономический институт имени Штернберга, и нас направили к одному доктору наук, который занимался гравитационными волнами.

В.В. — Руденко, может быть?

В.А. — Может быть, я сейчас не помню, он такой был могучий человек, на Волка Ларсена похож, такой мощный, и когда мы вошли, он рявкнул на нас: «Вы от Шноля?» Чувствуется, что он его донял своими вопросами. Мы сказали: «Нет». — «Ну, тогда садитесь».

И, наконец, отдельный случай — это Симон Эльевич и Белое море. Беломорская биостанция — это такая особая структура при биофаке. Начиналась она с Зенкевича, потом одним из первых ее руководителей был Матёкин, а потом ею занялся Николай Андреевич Перцов⁴.

Это был выдающийся человек, который принял почти пустую биостанцию, с одной полуразваленной избой, и привел ее в состояние оборудованного почти по последнему слову техники научного городка. Там был морской аквариум, там были отапливаемые дома, много раз горевшие, но каждый раз восстававшие из пепла. Был коллектив энтузиастов, которые Николаю Андреевичу помогали. Там были бригады строителей-энтузиастов, все хотели там поработать, это было и почетно, и интересно, и, по-моему, это сплочивало на всю жизнь. Так вот то, что ее отстроили, это чуть было не послужило поводом к тому, чтобы Николая Андреевича чуть ли не под статью подвели. Когда инвентаризация осуществляется, то сверяется, что было с тем, что стало, и должна быть некая смета. А тут никакой сметы нет, а все

³ Кружок юных биологов зоопарка и Клуб юных биологов юношеской секции Всероссийского общества охраны природы — знаменитые кружки юных натуралистов, через которые прошли многие будущие ученые-биологи.

⁴ Зенкевич Лев Александрович (1889–1970) — гидробиолог, океанолог, академик АН СССР. Основатель Беломорской биологической станции (ББС) МГУ. Матёкин Петр Владимирович (1917–2010) — зоолог, д. б. н., директор ББС МГУ в 1946–1951 и 1991–1994 гг. Перцов Николай Андреевич (1924–1987) — зоолог, директор (фактически — создатель) ББС МГУ в 1951–1987 гг.

Рис. 1. С.Э. Шноль, Н.А. Перцов, В.Н. Вехов. Беломорская биологическая станция МГУ, 1980-е. Личный архив В.Р. Филина

Fig. 1. S.E. Shnoll, N.A. Pertsov, V.N. Vekhov. MSU White Sea Biological Station, 1980s.
V.R. Filin personal archives

стоит! И вот над Николаем Андреевичем стали сгущаться тучи — идиотские бюрократические тучи. Как это так, из ничего сделать такую красоту? И Симон Эльевич был одним из тех, кто раскрутил движение в поддержку и защиту Николая Андреевича. И вот Николая Андреевича спасли, а биостанция теперь носит его имя. И это тоже усилия Симона Эльича, его такое, как бы это сказать, открытое и бесстрашное поведение. Он такой своего рода Дон Кихот был, он, по-моему, ничего не боялся. Он учитывал, конечно, что вот тот или этот оппонент его одним движением челюсти пополам рассечет, но все равно надо биться!

B.B. — А как ему это удалось раскрутить, не помните?

B.A. — По-моему, он говорил с людьми, которые прошли через биостанцию, которые так же, как и он, ее любили, которые сами принимали участие в ее строительстве или в работе на ней. Я-то был там еще студентом, первым студентом-эмбриологом, наш курс был первый, который съездил на биостанцию, с тех пор эмбриологи туда ездят каждый год. А тогда на ней работали и физиологи, например, там был Дмитрий Антонович Сахаров, такой выдающийся человек, Бузников Геннадий Алексеевич, из Академии медицинских наук Конюхов, Борис Владимирович, — это все имена, которые в науке много значат. Борис Владимирович — он был феногенетик, на млекопитающих работал, впоследствии замдиректора Института общей генетики, которым руководил Дубинин (и с которым они потом поругались). Михаил Владимирович Горленко⁵ туда приезжал. И все они понимали, что биостанция —

⁵ Сахаров Дмитрий Антонович (1930–2024) — физиолог, нейробиолог, д. б. н., поэт. Бузников Геннадий Алексеевич (1931–2012) — физиолог, основатель одного из направлений в биологии развития, связанного с функциями нейромедиаторов в эмбриогенезе; д. б. н. Конюхов Борис Владимирович (р. 1930) — эмбриолог, специалист в области генетики разви-

это жемчужина, которую надо беречь, и трудно переоценить ее значение. И вот они все встали грудью.

B.B. — Это Симон Эльевич с ними со всеми разговаривал?

B.A. — По-моему, он просто был душой этого, он был, так сказать, тем лучом, который с бесконечной скоростью между ними всеми передвигался и шшивал их, — вот у меня такое впечатление сложилось. Вообще, общее впечатление от Симона Эльевича — удивительно благожелательной и в то же время какой-то бесстрашной личности. Вот как Дон Кихот — он не потому бесстрашный, что на Шварценеггера похож — нет, он не похож, а просто понятно, что этот человек ни перед чем не спасет. И Симон Эльевич был такой. И он умел говорить, умел уговаривать, умел до-казывать. Вот это, по-моему, такие черты, которые сложно переоценить.

И очень многие ребята, которые сейчас уже все очень почтенные люди, доктора наук, кандидаты, состоявшиеся ученые, которые тогда были молодыми участниками школьной биологической олимпиады, они очень его любили.

Don Quixote's benevolence and fearlessness

Vladimir A. Golichenkov¹

(THE INTERVIEW WAS CONDUCTED BY VASILY V. PTUSHENKO²)

¹ Faculty of Biology of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² A.N. Belozersky Institute of Physico-Chemical Biology of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

N.M. Emanuel Institute of Biochemical Physics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ptush@belozersky.msu.ru

Vladimir Aleksandrovich Golichenkov is an embryologist, Doctor of Biological Sciences, and a graduate of the Faculty of Biology at M.V. Lomonosov Moscow State University (MSU). He served as the head of the Department of Embryology at the Faculty of Biology from 1983 to 2014. In a conversation held on November 29, 2023, V.A. Golichenkov shares his impressions of his first meeting with S.E. Shnoll, recalls their collaboration in organizing the School Biological Olympiad at the MSU Faculty of Biology, and discusses S.E. Shnoll's dedication to educational outreach for school students. The conversation also touches upon S.E. Shnoll's connection to the MSU White Sea Biological Station (WSBS) and his steadfast support of its director, N.A. Pertsov.

Keywords: Moscow Society of Naturalists, School Biological Olympiads, White Sea Biological Station of Moscow State University, N.A. Pertsov.

тия млекопитающих; д. б. н. Горленко Михаил Владимирович (1908–1994) — микробиолог, ботаник, заведующий кафедрой низших растений (кафедры микологии и альгологии) биологического факультета МГУ в рассматриваемый период; чл.-корр. АН СССР.